

6. МЫ ИДЕМ К ФЕСТИВАЛЮ

По семейной традиции Ваня Герцев должен был стать врачом. Он еще не родился, а уже тяжкий груз семейных обязательств лежал на его плечах. Отец его, Михаил Михайлович Герцев, был известным в Москве хирургом, дед его, Михаил Иоганнович Герцев, работал военным врачом с самим Пироговым. Род свой Герцевы вели от немецкого лекаря Иоганна Герца, что приехал в Москву еще при Федоре Алексеиче Романове и поселился в немецкой слободе, или на Кукуе, куда захаживал сам царь Петр и говаривал, как глашили семейные предания, именно о Иоганне Герце: «Брадобреев, лекарей и прочую мразь на парад не пущать!»

Долг, честь и жизнь во имя дела, которому ты служишь, — это были те три точки, через которые проходила плоскость жизни семьи Герцевых. Когда вечером семья садилась за стол обедать, глава семьи наполнял из холодного запотевшего графина серебряную

семидесятиграммовую рюмку водкой и провозглашал тост: «За здоровье больного, что я сегодня оперировал!» И так триста лет.

Ваня ненавидел эту старую рюмку, запах медикаментов, впитавшихся намертво в кожу отца и во весь дом, бесконечных родственников, дальних и ближних, родственников родственников, друзей друзей родственников и, вообще, любого, кто мог постучаться, в том числе и среди ночи, в дом Герцевых и сказать, что он приехал от тети Дуси, троюродной сестры дяди Пети из Крыжополя лечиться в Москву к доброму доктору Герцеву, помогите Христа ради.

Маленький Ванечка все свое раннее детство хотел увидеть этого «Христареди», упоминание о котором в любое время суток забирало у него маму, заставляло ее стелить постели для приезжих, кормить их, а папу — устраивать их в свою больницу и лечить.

— Врачи — это разжалованные жрецы, — смеялся отец. — Левиты служили Богу единому, а мы — больному человеку.

Ваня с рождения жил среди больных людей, ненавидел этот больной мир и хотел убежать в прекрасный мир кино, где обитали молодые красивые женщины и сильные здоровые мужчины. Отец поддерживал его увлечение фотографией и кинематографом, но только как занятие в свободное от основной мужской профессии время. Повинуясь воле семьи, Иван с третьего раза все-таки поступил в медицинский институт.

При институте была киностудия, где снимались учебные фильмы для студентов всех медицинских вузов страны. Со второго курса института Герцев-младший начал в ней работать оператором. Еще бы! У него была собственная американская трофейная кинокамера, что ему подарил сам академик Рюмин. Вначале он снимал ею самого академика, его потрясающие операции, Странно-примную больницу и врачей, что работали в ней.

Александр Александрович Рюмин познакомил его с Верой Сергеевной, монтировавшей киноленты самого Эйзенштейна. С нею

Ваня работал над документальным фильмом для музея истории медицины Странноприимного госпиталя. И в процессе этой работы многому научился и приобрел связи на «Мосфильме».

Работа на студии помогла ему пережить годы зубрежки в институте и добраться до четвертого курса. Весной его вызвали в комитет комсомола института, где секретарь комитета комсомола Вася Ковбас сказал ему:

— Слушай, товарищ Герцев, наша институтская киностудия рекомендует тебя как лучшего оператора, а Фрунзенский райком комсомола просил прислать именно лучшего кинооператора с нашей студии, для съемок документального фильма «Мы идем к фестивалю» об участии комсомольцев района в подготовке шестого Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Москве. Завтра явишься к девяти утра в орготдел райкома. Справку об освобождении от занятий и переносе учебных циклов на август-сентябрь получишь в ректорате. По всем вопросам обращайся лично ко мне. Все понятно? Свободен.

Утром следующего дня Иван не поехал на метро, а сел в троллейбус у Курского вокзала и двинулся в сторону Фрунзенской набережной, в райком. Ему хотелось посмотреть, что происходит в Москве, что и как делают москвичи, ведь надо было почувствовать это и настроиться на съемку.

Уже метров за пятьдесят до здания райкома сердце у парня выскакивало из груди, спина была мокрая, колени дрожали. На третьем этаже он нашел табличку с надписью «Орготдел», постучал в дверь, ему никто не ответил. Дверей в коридоре было много, они закрывались и открывались, оттуда выскакивали молодые ребята и девушки с какими-то бумагами, папками, коробками. Ивану хотелось вжиться в сте-

ну и исчезнуть с этого активного праздника жизни навсегда. Но тут какая-то толстая девушка с косой остановилась напротив него и, энергично напрыгая бюстом серьезного размера, спросила:

— Ты кто?

— Дед Пихто! — очумело ответил Иван.

— А, я знаю, ты к Жене Лисицину из орготдела, ты из медицинского института, кинооператор, — догадалась она, глядя на его висящую сбоку кинокамеру. — Вот и Женя идет. А я — Галя Трифонова, секретарь комитета комсомола завода «Каучук», — отрапортовала девушка.

Рука ее, покрытая холмиками мозолей, с силой стиснула Ванину ладонь. От неминуемого перелома пальцев правой руки его спас высокий парень в синем костюме со значком ВЛКСМ на лацкане пиджака.

— Уже познакомились? Отлично. Заходите оба в кабинет. Работать будете вместе. Галя будет отвечать за транспорт, наличие пленки, другого необходимого оборудования, за согласование с райкомом плана и мест съемки. На эту неделю план съемки разработал я сам, а на следующую, Галя, представишь мне свой для согласования и утверждения в четверг утром. Сегодня будете работать с хозяйством по выращиванию голубей для проведения праздника открытия фестиваля. Сорок тысяч голубей надо вырастить к концу июля. Одна из самых больших голубятен — у Галининых ребят, на заводе «Каучук». Вот туда, на Усачевку, сейчас и поезжайте. А в среду, к шести часам вечера, появитесь в общежитии Первого меда на Малой Пироговке, там у них интересный конкурс по подготовке студентов к фестивалю будет проходить. «Вечер веселых вопросов» называется. Ребята придумывают интересные смешные вопросы и ответы по

истории Африканского союза, по различным национально-освободительным движениям, анекдоты об импрессионистах, спорят о творчестве Хемингуэя и о многом другом.

Вот вчера, например, встретил их капитана команды, Аркадия, так он мне рассказал шутку из последнего вечера. На конкурсе капитанов один из участников задает другим вопрос: «Нравятся ли вам худые, треугольные девушки с длинными носами?» Ответ звучал так: «Да, нравятся, поскольку я поклонник творчества Пабло Пикассо, а он — автор эмблемы фестиваля — “белого голубя мира”». Здорово, с такой шуткой навсегда запомнишь информацию об эмблеме фестиваля.

Вот вам накладная и путевой лист, поедете завтра в гараж горкома партии и получите в свое распоряжение открытый ЗИМ, на нем установите треногу и сможете снимать прямо по ходу машины. Обязательно надо показать работу наших комсомольцев на стадионе Ленина в «Лужниках», ведь там — главное место фестиваля, и оно находится на нашей территории, поэтому «быть комсомольцем Фрунзенского района — огромная честь и ответственность», сказала сама Екатерина Алексеевна Фурцева, которая являлась секретарем райкома партии именно нашего района. Партия и лично товарищ Фурцева предъявляют особенные требования к молодежи нашего района... — Товарищ Лисицин еще долго накачивал ребят, а у Ивана в голове была только одна мысль: «Дадут открытый ЗИМ, треногу и пленки сколько хочешь, и можно будет снимать улицы, голубей, Ленинские горы, Москву... А девчонки все будут мои. Я — на ЗИМе, этой огромной черной лакированной машине, с открытым верхом, с камерой, снимаю... Вижу потре-

сающую, длинноногую, юбка остоколом, блондинку... Машина останавливается, я медленно выхожу, подхожу к ней и говорю... "Я режиссер и оператор с "Мосфильма" (или лучше с телевидения, с Шаболовки), ищу персонажей для съемок молодежного фильма о фестивале". И назначаю ей свидание в "Лужниках"... А потом, потом...»

— Иван, треногу, иное оборудование и пленку будешь брать на Шаболовке, в их комитете комсомола, вот тебе письмо с печатью и подписью, — громко объяснял Лисицин, мешая парню предаваться весенним эротическим фантазиям, что возбуждали Ваню намного сильнее, чем перспектива съемки комсомольских субботников по озеленению стадионов и улиц столицы.

Два месяца, май и июнь, Иван снимал молодежь Москвы на Усаичевке, Пироговке, монастырских прудах Новодевичьего монастыря, в «Лужниках», на Ленинских горах... Его герои и героини сосредоточенно трудились, учились, тренировались, готовились к концертам. Галя закрывала его ото всех трудностей, носилась с бумагами, договаривалась с дружинниками и милицией, короче, она была танком, на броне которого сидел кинооператор Ваня Герцев, запечатлевавший для потомков историю подготовки к битве под названием «Московский фестиваль молодежи и студентов».

К открытию фестиваля фильм нужно было полностью закончить. Последние две недели июля Ваня был занят круглые сутки, он носился со своей кинокамерой по всему Фрунзенскому району и вместе с Верой Сергеевной монтировал материал.

— Ванечка, ну что ж, лица у всех молодых людей и барышень такие строгие, неулыбчивые. Ведь к празднику готовятся. Пленка-то черно-белая, цвета

разноцветных флагов, фестивальных ромашек, цветники не видны. Я бы твой фильм назвала не «Мы идем к Фестивалю», а «Если завтра война». Улыбок надо больше, цирковых номеров, песен. Ну посмотри, как замечательно клоун Олег Попов в своей клетчатой кепке раздает шары детям на площадке, что только что окончили монтировать студенты архитектурного института. А ты выбросил этот кадр из фильма. Деталь необычная, яркая — клоунская кепка в крупную черно-белую клетку, ее запомнят, а потом по ней вспомнят весь твой фильм. Учиться тебе надо кинематографии, читать покойного Сергея Михайловича Эйзенштейна. Ты думаешь, через двадцать лет еще будет важно, о чем именно был фильм «Броненосец "Потемкин"»?! Едва ли. А вот кадр со скатывающейся по лестнице детской коляской будут помнить и приводить в пример очень долго. Деталь, одна пронзительная деталь, такая, чтобы выпала из сюжета и пронзила кадр, — вот что должны искать глаза оператора, — поучала добрая женщина, сидя за столом монтажной.

— Вера Сергеевна, вы отстали от жизни. В Москву приедут делегации многих национально-освободительных движений. Они борются с империалистами за счастье для своего народа, за освобождение всего человечества. А я покажу клоунов, улыбки, детей! Да меня из комсомола и института попрут за такой фильм, — горячо возражал ей Ваня.

7. ФЕСТИВАЛЬ ЛЮБВИ

Семь пятиэтажек из красного кирпича под названием гостиница «Турист», выросшие на колхозных полях за московской Всесоюзной выставкой народного

хозяйства, стали первой в истории планеты Советский Союз посадочной площадкой для представителей иных миров. На этот «космодром» в конце июля 1957 года приземлились десятки тысяч «инопланетян». Они все были молоды и потрясающе красивы. Говорили на абсолютно непонятных для русских людей языках, поскольку иностранные языки, столько лет изучавшиеся в школах и институтах Страны Советов, ничего общего не имели с живыми языками «инопланетян». Одета эта молодежь была в яркую разноцветную одежду: лимонно-желтые, оранжевые, аквамариновые, голубые, красные, зеленые цвета индийских сари и африканских нарядов, рабочие штаны из грубой ткани под названием «джинсы», широкие свитера навывпуск, всевозможные шарфы, платки, береты, тюрбаны и бог весть как называемые конструкции на голове. А волосы, и не всегда только женские, — эти длинные шелковые волосы до плеч и ниже, незаплетенные в косы, а струящиеся свободно или стянутые в хвосты, как у лошадей! А бусы, серьги, браслеты, причем даже на ногах!

Все это привело в шок советских людей, одетых в лучшие праздничные одежды — темный низ, белый верх со значком ВЛКСМ на рубашке, постриженных под бокс, полубокс или, у наиболее артистических натур, под польку. И конечно, косы у женщин венчиком, корзиночкой, колоском, упорядоченные и вычесанные до последнего волоска.

Кроме того, посланники иных миров двигались раскованно, танцевали, смеялись, могли сесть прямо на траву или на пол, и, о ужас, девушки в машинах и других публичных местах присаживались на колени к парням и даже могли поцеловать их. Они играли не только на общепринятых инструментах, таких как

гитара, скрипка, но и на ведрах, стиральных досках и вообще на любых подручных предметах. Играли по нотам и не зная нот, двигаясь в квадратах мелодий и двигая при этом особенно энергично причинными местами, визуально угадываемые размеры которых заставляли краснеть и опускать глаза долу даже матерых фронтовичек.

Большинство «инопланетян» поселили в гостинице «Турист» с деревянными кроватями, накрахмаленным белым постельным бельем, вафельными полотенцами, баннным мылом, прикроватными тумбочками и общим коридорным туалетом и душем — по четыре человека в комнате. Из этой гостиницы они, усевшись на скамьи, установленные специально для этого внутри бортовых грузовых автомобилей, поехали по проспекту Мира и далее по Садовому кольцу к стадиону им. В. И. Ленина в «Лужниках» на церемонию открытия шестого Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Москве.

Одним москвичам предписывалось находиться на тротуарах и приветствовать делегатов фестиваля с флажками в руках. Других просто волна любопытства к невиданным здесь событиям расплескала по балконам и крышам, третьи толпились в задних рядах, выглядывали из окон и подворотен. И вдруг будто в бункере лопнуло стекло и ворвался свежий ветер — все перемешалось.

Горожане окружали машины со всех сторон, трогали руки иностранцев, пожимали их, целовали, плакали, как будто хотели убедиться в том, что перед ними люди, такие же, как они. Ощущение тепла человека с другой планеты несло в себе информацию о иной форме жизни, свободе, любви. Теплообмен не был учтен инструкциями и не подвергся запрету. Напиться этой

энергии и в восторге подарить свое сердце другу — вот что читалось в глазах людей. Такого ликования на улицах Москвы не было со Дня Победы, в мае сорок пятого. Началась эректильная стадия шока, которая продлилась все две недели до закрытия фестиваля.

Джон Кор был одним из членов американской молодежной делегации на Московском фестивале. Аккредитовать его как официального фотокорреспондента не удалось, и друзья предложили Джону отправиться в Москву в качестве участника музыкального ансамбля, поскольку тот неплохо играл на банджо. Познакомился он с этими друзьями во время своей командировки в Латинскую Америку, куда Кор ездил освещать вооруженные конфликты по заданию одного американского журнала.

Более трех месяцев они носились по Сальвадору, Колумбии и Никарагуа. Джон фотографировал, а Стив и Шон вели журналистское расследование. К концу своей поездки они ничем не отличались от тех людей, что окружали их все это время. Стали такими же темнокожими, грязными, бородатыми, вонючими гориллами, жующими листья коки. Больше всего Джона поразило, что эти люди получали физическое, практически сексуальное удовольствие от подчинения себе других. Это был настоящий вирус насилия, и Джон почувствовал себя серьезно больным. Его глаза все чаще и чаще стали зажигаться огнем, силы возрастали, сердце билось быстро и громко. Образ борца за свободу и счастье всего человечества начинал поработать его разум, руководить его поступками, обеспечивал ему наркотически-притягательное состояние. Вернувшись в Нью-Йорк, Джон отмылся, отъелся, отоспался и впал в депрессию, ему не хватало воздуха и адреналина. Поэтому когда позвонил Стив и пред-

ложил ему ехать в Москву на молодежный фестиваль, Джон не задумываясь согласился. Его даже не смущало, что Стив и Шон были сотрудниками так называемого молодежного отдела ведомства, расположенного в Лэнгли, штат Вирджиния.

Каково же было удивление Джона, когда в коридоре гостиницы «Турист», куда его поселили в Москве, он встретил Карлоса, у которого брал интервью в одном из лагерей повстанцев в центральных Кордильерах. Карлос был жестоким и беспощадным бандитом, человеком, близким к самому Черному Чарро, лидеру Армии народа Колумбии. Вначале Джон растерялся, а потом побежал к Стиву, схватил его за плечи, начал трясти и кричать в лицо:

— Стив, надо что-то немедленно делать, идти к русским, предупредить их. Он очень опасен, здесь много безоружных людей...

— Успокойся, не кричи, ты порвешь мне сейчас рубашку. Что случилось? — спокойно спросил Стив.

— Я видел Карлоса, того самого, из отряда Черного Чарро, здесь, в коридоре, пять минут тому назад, — пытался объяснить другу Джон.

— Ну и что, я тоже видел его. Успокойся. Ты еще немало увидишь здесь наших старых знакомых из Латинской Америки. Советы поддерживают, обучают и финансируют все эти экстремистские группировки. Для русских они не бандиты, а герои и братья по борьбе с империалистами, с такими людьми, как ты, твои родители, соседи. Такие, как Карлос, приехали на фестиваль с различными молодежными делегациями, и некоторые из них останутся в СССР, в специальных лагерях для подготовки диверсантов, а вместо них, по их документам, обратно вернутся другие,

уже прошедшие подготовку. И вообще, главным инициатором этого фестиваля является КГБ. А ты думал, Санта-Клаус за все это платит? — спокойно и насмешливо ответил американец.

— Стив, прекрати. Я не хочу заниматься политикой и идеологией. Меня интересует сам человек и его самореализация в экстраординарных обстоятельствах. Не прессуй меня, я плохой агент для вашего ведомства, люблю комфорт и не умею контролировать свои эмоции. Спасибо, извини за срыв. Пока, увидимся на церемонии открытия.

Джон развернулся, вышел в коридор и спустился по лестнице во двор гостиницы, где стояли машины. Нашел свою с амери-

канским флагом, подтянулся на руках, перебросил ногу через задний борт и сел на третью скамью у правого борта. Огляделся вокруг. Впереди и позади стояли такие же машины с флагами различных государств, в них запрыгивали молодые ребята и девушки. При каждом автомобиле был специальный молодой человек, руководивший погрузкой и знающий национальный язык, с серьезным лицом отвечающий на вопросы. Заполненные делегатами машины строго по графику выезжали на улицу и начинали двигаться по проспекту Мира.

Вначале, когда машина Джона остановилась из-за того, что москвичи окружили ее плотным кольцом и стало очевидно, что через

толпу прорваться невозможно, ему сделалось страшно. Потом, когда он увидел глаза людей, горящие восторженным огнем, таким знакомым ему по Колумбии, когда к нему потянулись десятки рук, стали хватать его за руки и за рубашку, по лицу и спине Джона потек пот.

Его уникальная память на ранее виденные фотографии выдернула и развернула перед глазами картинку из книги о Второй мировой войне, где немецкая бронетехника была заброшена трупами русских солдат. Надпись под фотографией гласила: «Толпы русских фанатиков остановили наступление немцев под Москвой своими телами».

Продолжение следует.